

Литературное
объединение
СЕВЕРНЫЙ ОГОНЬ

Александра ЛАЗАРЕВА

Ночь, словно ткань из закрученных
нитек –
Разного цвета и разной длины.
Через бессонье о том, что прожито,
В память приходят ушедшие дни.

Серая пряжа в ней – будни разлуки,
Ветры шальные дорог и тревог.
Солнечный цвет – в нем сплетаются руки
Для появления волнующих строк.

Нитки – как розы – детей появление –
Вера, надежда, любовь и тепло.
Ночь пролетела, пришло вдохновенье,
Боже, спасибо, что снова светло.

Надежда ЛИШМАНОВА

ПЛАТЬЕ

Помню, платье я шила
как-то вечером, тайком.
Оно очень легким было,
с отложным воротничком.
Только в праздник надевала:
все жалела, берегла.
Поносить сестре давала,
а она его сожгла.
Чтоб исправить ту ошибку
от ожога утюга,
раскроила с него юбку –
по подолу кружева.
Тут же юбочку надела,
в синенький горох карман,
даже песенку запела –
мне понравился обман.

РИСУЮ

На белом листочке
цветы нарисую
и радуу рядом
такую цветную.
Здесь солнышко светит,
плывут облака,
и вдаль убегает
большая река.
Есть рыба в реке,
и купаются дети.
Пусть будут они
всех счастливей на свете.

Алексей ТОМШИН

ПОСЛЕДНЯЯ ЗВЕЗДА

Горит последняя звезда.
Прошедшей ночи не забуду:
Как счастлив был, я впрямь не буду
Уже, наверно, никогда.
Горит последняя звезда,
Давая хрупкую надежду,
Что все останется, как прежде:
Ты не исчезнешь в никуда.
Горит последняя звезда.
Наступит горькое похмелье,
Любви истраченное зелье
Оставит память навсегда.
Горит последняя звезда,
А небо освещает пламя.
Зари предутренней багрянец
Нас разлучает навсегда.

Горит последняя звезда.
Прошедшей ночи не забуду.
Как счастлив был, я впрямь не буду
Уже, наверно, никогда.

Вячеслав САЗАНОВИЧ

МАСКА

Капризно-гневный облик свой
Укрыла быстро ты под маской.
Сошла на нет сама собой
Страстей ненужных свистопляска.

Под маской проще жить, скажи?
А впрочем, нет, молчи и дальше.
Не трать словесные гроши
На позолоту грубой фальши.

Фонит парфюмная пыльца,
Мазок косметики алеет,
И дремлет мимика лица
На неподвижно гордой шее.

Под лаком локоны блестят,
Но нет и в них движений жизни,
Лишь потускневший блеклый взгляд
Вокруг меня по стенам рыщет.

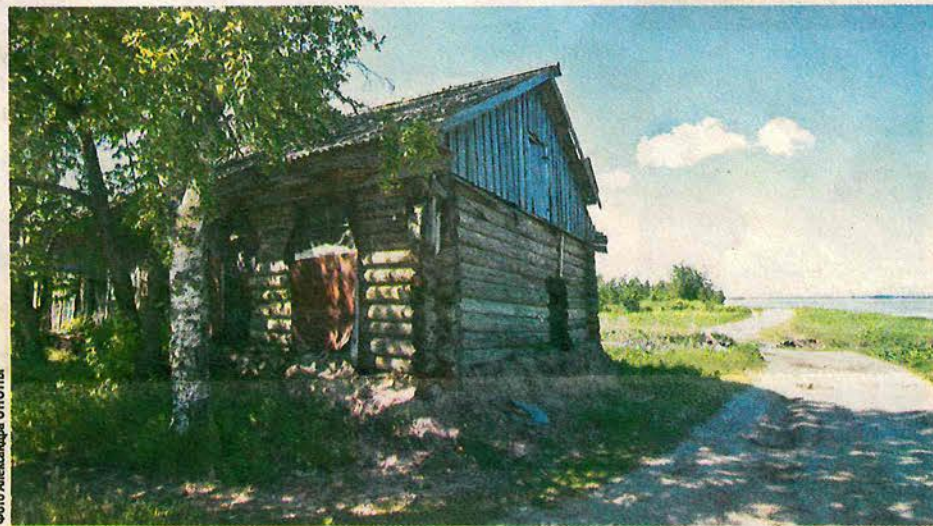

Фото Александра ОПОПЫ

Одиноко, наверно, в просторном раю,
Ведь безгрешных людей я почти что не
знаю,
Да и сам иногда я грешил, признаю,
И грешить буду дальше – скажу не
скрываясь.

Кто-то где-то соврал, кто-то что-то
унес,
Кто-то чистит в толпе кошельки и
карманы,
Кто-то совесть продал, кто-то слухи
разнес,
Кто-то счастье чужое запрятал в чулане.

Есть у многих людей свой греховный
набор –
У кого-то мешок, у кого-то составы.
Но лобой негодяй, проходимец и вор
Может верно любить, может в чем-то
быть правым.

Да, грешу, и с грехами я вынужден жить,
Но, скорей всего, в рай мне закрыта
дорога

Не за то, что решаюсь порою грешить,
А за то, что не верю я в Господа Бога.

Людмила ЕЛИСТРАТОВА

В тугом кольце неразрешимых споров
Отчаянно колотится душа,
Мечтая в окрыляющем просторе
Творить, а не проблемы разрешать,

Врываться – словно в детстве –
безмятежно

В звенящий праздник радостного дня
И безоглядно, а не безутешно,
Транжирить жар сердечного огня,
Чтоб отогреть безрадостную землю,

Улыбки мурьим лицам возвратит,
Подобно увядающему стеблю,
Поникиших – счастьем щедро напоит.

Нина КАЛЕНДАРЕВА

ВЕСНА

На песок усталых круч
Падал солнца яркий луч.

По овражку там и тут
Вышла травка-изумруд.

В ней и шелк, и буйство цвета...
Золотое будет лето!

МУШКА

Ты пришла, Весна-резвушка,
Ожила на даче мушка,

Улетать с окна не хочет,
В уголке сидит, стрекочет.

Отдохнет... опять: «Жу-жу,
Раньше всех с весной дружу!»

Никон СОЧИХИН

Когда я учился в школе, я был кучеряв и
розов.
Возле нашей школы у парадного входа
стоял на постаменте
памятник мальчику в полный рост, и это
был Павлик Морозов.
Прошли годы, пролетели они, прожужжали.
Сменилось столетие. Изменилась страна, а
с ней и ее скрижали.
И я в свою очередь стал не кучеряв и не
розов.
Все же решил посмотреть: как он там,
Павлик Морозов.
Приехал. Прошелся у здания школы в
душевном волнении,
а что, если здесь я уже позабыт и не свой.
И вижу: Павлик Морозов вдруг сам по себе
стал Олег Кошевой.
– Что делает время! – я тяжело и тяжело
вздыхаю.
Все в этой жизни возможно, и я эту жизнь
понимаю.

P.S.

Хотя бы... Хотя бы их рядом поставили,
что ли?
А впрочем, давно-предавно я не учусь в этой
школе.

Егор ЕЛИСТРАТОВ

СТАРЫЙ ДОМ

Лихолетье времен иссушало...
Дом забытый стоит, обветшалый.
Тишина... Пустота... С поволокой
Грустный взгляд обесцвеченных окон...

Раньше в доме шумели соседи,
Пили чай, затевали беседы,

И шаги раздавались родные,
И вели к нему все объездные.

Он встречал всех теплом и заботой,
Раскрывал для объятий ворота,
Защищал от дождя или града,
Был для каждого гостя отрадой.

Помнит крыша влюбленных признания,
Миражи, звездопады, желанья,
Лунный свет, как таинственный зодчий,
Блеск теней создающий из ночи.

Неказистым стал дом. Не ухожен:
Потемнела бетонная кожа,
И не держат уж стены... И доски
Разметало, как старые космы.

Только ночь неприметной подругой
Тихий скрип разнесет по округе,
Да блеснет ускользающим клином...
Свет промчавшейся мимо машины...

Любовь КОРОБКИНА

ПОГОДА В МАРТЕ

В марте погода изменчива,
Как настоящая женщина:
Брызнет в улыбку веснушками –
Рыжее солнца подружками,
Брови нахмурит вдруг тучами –
Вот уже слезы горячие
В виде осадков естественных.
Непредсказуемо женственна
После ненастья становится,
В щедрости не остановится:
Светом одарит и ласкою –
Жизнь покажется сказкою.

ЗНАКОМЫЙ РОМАНС

Так хочется отдаться пледу
И сладко погрузиться в чтение...
А в это время от соседа
Доносится чуть слышно пенье.
То был романс давно знакомый,
Напомнивший былые встречи.
И так уютно было дома
Мне в тот холодный зимний вечер.

Зинаида БОГДАНОВА

ПАМЯТНЫЙ ДЕНЬ

В девятый день поминок в мае
Я накрываю стол родным
И, слезы горькие глотая,
Сто граммов наливаю им.
И хлеба черного кусочки
Поверх стаканов я кладу,
А в сердце рана кровоточит –
Родных могил я не найду.
В последний день войны проклятой
Письмо нам отписал отец:
«Бои идут. Мы вместе с братом
Фашистов лупим – им конец!»
Сравнило время все могилы,
Целует время боль мою.
Я за живых героев милых
И за ПОБЕДУ с вами пью.

Юрис ХИСМАТУЛИН

Легкий бег карандаша,
Нервное порханье.
Как же можно, не дыша,
Не порвать дыханья?

Как же можно из ресниц,
Из лучей и ветра,
Из мелованных страниц
Высечь образ светлый?

Быстрым грифелем суметь
Синь в глазах измерить.
И волос тугую медь –
Даром грифель серый.